

Борис Борисович, как теперь называются балетисты?

Я остался художественным руководителем балета и добавлял должности. И.О. ректора Московской Академии хореографии.

Есть ли у вас идея реорганизации учебного процесса Академии Довгалюк или вы хотите продолжать и все ли...

Думаю, что проблема есть. В этом году менялись проблемы с детьми и больше с мальчиками. Московские училища всегда были сильно мужским составом. Интерес к профессии артиста балета сейчас немного потерял, а у мальчиков в особенности. Время студенчества и в котором главенствуют менее духовные и более материальные вещи. Поэтому ребята идут в профессию, которая дала бы им средства к существованию: они уходят в профессиональный спорт, туда, где есть хорошие деньги. Сейчас наша задача восстановить былую славу профессии, и видимо, надо что-то предпринимать. У меня есть свои мысли, как активизировать набор мальчиков. Кстати, эта проблема не только у нас, но и во всем мире, повсюду. У нас же сейчас, то и не надо ничего изобретать, у нас такие давние традиции, даже все наши старые реконструкции не смогли нас сдвинуть, я имею в виду балетную сферу. У нас одна из самых лучших школ, на которой базируется весь балетный мир, она была, есть и будет. Поэтому главное, не терять то хорошее, что у нас есть.

Предлагаете ли вы приглашение новых педагогов в училище?

Педагогический состав надо обновлять. Многие уезжают за Заняв, к сожалению, ушла из жизни прекрасная плеяда педагогов младших классов, которая была в период 50-60-70-х годов. Конечно, надо привлечь новые силы, искать интересных педагогов. Это очень сложно сегодня, несмотря на ГИТИС, на многие учебные заведения, которые выпускают педагогические кадры. В сферах хореографического училища тоже есть курсы, где обучают педагогов. Видимо, надо активизировать работу Академии в этом направлении. И все же настоящий педагог — это от Бога.

Не считаете ли вы, что в этом сейчас главная проблема?

Знаете, сложно сказать. Иногда не идет материал, педагог выпускает иногда, для блестящих выпускников и потом идет — не идет, не идет, природа не идет. Я всегда думаю — педагоги делают учителя, а учителя делают педагогов. Это обратная формула, идеальное соотношение.

Что вы скажете о нынешнем выпускнике?

Хорошая группа девочек, которые приносят большую пользу. Среди них есть талантливые солистки, они хорошо обучены.

Как вы намерены сочетать две должности?

Идея эта не нова, в свое время Леонид Давыдовский, Петр Юсуп, Ростислав Захаров также совмещали должности худруков балета и худруков школы. Просто идет возрождение традиций. Но, если откровенно, это очень сложно, так как времена меняются, меняются и задачи. В театре не мы и новые работы, и текучий репертуар, и гастроли, и я еще не знаю. Образ жизни очень активный. Меня интересует интересная педагогика, я был в курсе и того, что происходило в школе, бывал на всех и, имея. Должен сказать, что трудно однозначно ответить на этот вопрос: я только заступил на новый пост. Но моя обязанность — идти быть не только художественным руководителем, но еще и решать организационные, административные вопросы. И сейчас я делаю и понимаю, как это сочетать.

БОРИС АКИМОВ:

НЕВОЗМОЖНО ОБЪЯТ НЕОБЪЯТНОЕ, НО БОЛЬШОЙ ТЕАТР ОБЯЗАН ПОКАЗЫВАТЬ НОВОЕ

В чем первоочередная ваша задача как худрука балета Большого театра?

Держать труппу в высокой профессиональной форме. Для этого нужен активный балетный репертуар, причем, чтобы, в первую очередь, шла не классика и, конечно же, работы современных хореографов. Я думаю, что на таком высочайшем уровне нашу замечательную классическую школу в мире. Задача в сохранении и совершенствовании этого уровня.

Многие артисты постоянно жалуются, что в сезон мало идет классических спектаклей. Исполнителей на одну роль больше, чем самих этих спектаклей.

Эта проблема всегда была и есть и будет в Большом, где в труппе десятки тысяч человек. Раньше было две сцены — Большой театр и Кремлевский Дворец Съездов, и каждый вечер мы имели по два балетных спектакля. Но теперь и тогда был «чужой» союзник. Любопытно, как сейчас обстоит дело с системой мобильных западных трупп, где все разложено по полочкам, все всегда в работе и в форме. Сейчас наши ведущие солисты, кроме работы в Большом театре, занимаются индивидуальной «торговой» деятельностью и часто уезжают на месяц, на два. Театр отключает, идет наверх, но что-то должно остаться, и этот недостаток, естественно, мы вводим новых исполнителей. Положительно приносят и требуют репертуар (по контрасту они должны танцевать не менее одного спектакля). Мы не можем сократить труппу, в процессе недовольства все время есть. Может быть, скоро появится сцена КДС, через сезон обещают Финанс — тогда будет проще. Те задачи, которые есть у нас сейчас, падают в самом расцвете сил и они должны, безусловно, чаще появляться на сцене Большого театра, для того чтобы держать высокую планку.

Как тогда быть с тем, что покажились премьеры будут нести и без того расписаны по числам классический репертуар?

Это замкнутый круг. Все говорит о том, что репертуар. Пресса продолжает нас к балансиру, либо что-то еще придумать сделать из уже истощенного микса наших трупп репертуара. Я не сторонник постоянных изменений. Я не знаю, почему с нас все время требуют новых спектаклей. Может, через сезон поработать именно над классикой. Ведь иногда не все, что мы берем в репертуар, однозначно хорошо. За последние шесть-семь лет были спектакли-сюрпризы, которые не нравились.

Но вы собираетесь продавать содружественно с Фондом Биллини?

Да мы общаемся. Это ситуация с представлениями Фонда. Нам хотелось бы иметь одну-две программы из лучшего, что есть у Балачина. Чтобы ребята смогли попробовать свои силы в этой непереломной цепкой хореографии, к тому же мы очень полезной информацией. И об этом, что имен нашей исполнительской потенциал. Большой театр уже давно не выпускал новой продукции мирового уровня.

А какой театр сегодня выпускает продукцию мирового уровня? Хореограф старшего поколения в этой жанре осталось мало. Есть люди, мастерами сочиняющие что-то, но по большому счету, через все наши западные театры стоит та же проблема. Во всех театрах мира идут одинаковые программы. Балачина. В Концерт Парте постоянно заказывают спектакли Антонио Гини Макмиллана. Но великого события в области хореографии, как это было раньше, нет. Лавровский, — Ромео и Джульетта, Захаров — «Баядерка», «Спартак», «Золушка». Это были явления. Была Зара Фридриховна с его «Летучей мышь», «Камеллией», «Спартак». В Ленинграде появились Вышнеградский со своими работами, был еще и Бельский, и Юрковский, и Бизарский, позже — Эйфман, Брандес. А сейчас существует обилие застой, нет интересных идей. Зато сейчас можно все «снести» по видеосъемкам, как многие хореографы и делают. Иногда достаточно посмотреть несколько минут хореографического номера, и тебе ясно, откуда это взято. В какой-то степени потравившаяся резинка убивает человеческую мысль, так же как и педагогика. Мы обладаем колоссальной информацией, архивом, но это нас убивает, но не чем заменить. У нас есть десятки записанных уроков, и тебе не до живых, а когда каждый урок ты видишь, когда ты видишь, находишь свои комбинации, это другое дело. Это я говорю о педагоге, а хореограф не должен стоять полами, выдумывать, строить фразы. Поэтому,

плод фантазии должен рождаться без всякой технологии.

Можете ли вы сориентировать разное типа спектаклей, и какие вы видите на нашей сцене?

Думаю, нам ближе спектакли сюжетные. Наши танцовщики не просто танцовщики, а танцовщики-актеры, это наша природа. Чистый танец они тоже должны уметь исполнять, но основная линия театра — интересные полнотелые спектакли, где в основу заложены драматургия.

И Парковский Опер и Давидский Корольский балет в Большом театре в своем репертуаре классический репертуар с современными постановками. Можете ли, балету Большого театра не подходить никак полнотелых из за соответствующих этой сцене традиций и ее урона?

Ненавижу здесь противоречия. Если, к примеру, интереснейшим постановкам не подходить к Большому сюжетным спектаклям, а идите ли вы его работы на сцене Большого?

Да. Для меня формула одна основа нашего театра — мощный классический репертуар, но и все остальное должно присутствовать в хорошей пропорции. Но главное, имена хореографов и постановки должны соответствовать нашему уровню. Будет нас сейчас сориентировать, почему мы привели в Ленинградскую оперную программу, а не большие спектакли? Если нам предлагали сцену чуть меньше, мы можем принять концертную программу, вопрос только в уровне и качестве. Я знаю, что многие наши танцовщики хотят танцевать модерн, но хочется не значить мочь, многие могут просто в силу своей природы. Но если ты не соответствуешь мировым образцам в этой области, то на сцене Большого театра этого лучше не делать. В западных театрах несколько иной организационная схема деятельности. Они выискивают «Спящую», она идет много раз, а через пять лет на нее снова делается премьера. Потом они делают современную постановку, делают за месяц, так как труппа очень мобильная, и она идет пятнадцать-двадцать вечеров. А у нас сегодня «Спящая», актеры «Баядерка», потом «Лебединое». Но на Западе ребята говорят, что танцевать пятнадцать «Спящих» подряд просто невозможно. Все отработано, как механизм, кордебалет работает четко. В общем, хорошо там, где нас нет. Я часто слышу, работа на Западе, как хорошо, что у нас нет контр-реальной системы. Вы спокойно работаете, а мы не знаем, что будет завтра, получим ли мы контракт. А наши говорят — у нас «Спящая» идет каждый, и не может статься. Пуска с двумя компаниями по многим вопросам. У них своя схема, у нас — своя.

И все же, Борис Борисович, вы можете назвать конкретные имена, кто соответствует стилю Большого театра, его масштабу, тем критериям, о которых мы говорили?

Я сейчас называю всех тех, кого называют все, даже надо это, например, еще активно работающие и Форсайт, и Климан, и Ноймайер, и Наве Дуго. Последний несколько спорен в пространстве Большого театра, но очень интересен сам по себе. Я давно слежу за его работами, они потрясающие.

Можно ли уже рассуждать, что в ближайшие годы вашего руководства какие-то из названных имен появятся на афише Большого?

Какие-то могут. Я не называю того же Роланда Пети. Мы предположили мы сделать «Пиколо» даму для нас. Это должен быть акционный спектакль для Большого театра, и называться он будет «Три карты». У меня были разговоры с Джоном Ноймайером, хотелось бы, чтобы он поставил на наших артистов что-то новое. Очень хорошие контакты с Алексеем Рязанским, и мы думаем, как сделать на нашей сцене тоже что-то совершенно новое. Для актера очень важно иметь роль «на себя», как это было в наше время. К сожалению, теперешнее поколение этого не получает, они танцуют репертуар и роли, которые уже были до них. Объять необъятное невозможно, но Большой театр обязан показывать новое. Не часто, но иногда необходимо свернуть.

Кажется ли рядовой спектакль вас устраивает по уровню исполнения?

Порой бывают неприятные споры и разногласия с педагогами по поводу исполнения, критериям, касающихся конкретных партий типа артиста. Сейчас я наблюдаю за всеми спектаклями где-то нужно что-то подправить, что-то изменить. Иногда бывает стыдно за не-

полнение какой-то партии. Этот рабочий процесс все время должен происходить, и, если кто-то недоволен и слава Богу. Замечательно, что нас все это волнует и тревожит, а то порой мы бываем слишком добрыми, надо быть жестче.

Выскажите свое мнение, что классика — наша сила, и мы, что нас привлекает, мы и так все знаем.

Что касается профессионального уровня труппы, я всегда открыто высказываю свое мнение. Это очень важно — открыто высказывать свое мнение по поводу работы артистов и спектаклей в целом.

В целом гастроль в Лондоне была высоко оценена лондонскими критиками. Как вы думаете, почему московская критика говорит о каких-то недостатках и тех же спектаклях тех же исполнителей?

Лондонские гастроль действительно прошли замечательно. Хотя при подготовке были большие проблемы. Пессимисты даже ждали какого-то провала. Но, к счастью, те предвзятые прогнозы на верхней сцене принесли много пользы. Все артисты были точно расставлены по амплуа, потому что было очень важно показать все программы на достоянном уровне, поддержать авторитет Большого театра, ведь наши концертные труппы во все времена имели колоссальный успех в Англии. А когда в Москве сегодня Миллу танцует одна, а там — другая, то возникает сразу много вопросов и в критике, и у руководства. Гастроль — это контрастная вещь, что происходит в Большом, и так было и будет. Другой вопрос, надо стремиться к тому, чтобы любой выход на сцену стал такой же концертацией, а многие этого недопонимают, недооценивают важности идеального исполнения каждой партии, в которой они выходят.

Расскажите о ближайших гастрольях?

Только что мы съездили на несколько дней в Руминию, затем прошли концерты в Ханты-Мансийске, в июле — Кипр, в декабре — итальянские гастроль. На фестивале в Турине мы покажем три балета Чайковского «Щелкунчик», «Лебединое» и «Спящую красавицу». Дальше пойдут спектакли — возобновление «Летучей мыши», «Летящая предосторожность». Впервые на сцене Большого пойдет спектакль Фредерика Ашота, где есть радикальные повороты, для наших танцовщиков, при этом в разных амплуа. А потом начнется серия мощных гастрелей — Америка, Япония, у нас с большими спектаклями. Многие заинтересовались нашими концертными программами, они часто смотрят, когда хореографы скандинавы. Даже японский импрессионизм Сасаки, который планировал большие спектакли, теперь эту программу, сказал: «Я хочу концертную программу». И для нас это очень важно.

Если артист Большого театра займет призовое место на нынешнем московском конкурсе, который проходит в эти дни, отразится ли это на его карьере?

На конкурсе выступают наши солисты, конкурс для них очень важный жизненный характер, а это не каждый может. Конечно, мы их посмотрим, и будем счастливцами приобрести в их лице настоящих солистов.

Подводя итог юбилейной сессии, чего, на ваш взгляд, сегодня недостает балету Большого театра, и что вы ему пожелаете на ближайшие десятилетия.

Если бы нам было подкрепление мощной рекламой, то это нам бы только помогло. Ведь что касается профессионализма самих танцев, замечательного кордебалета — это никак не в нас есть репертуар, мы будем его пополнять, изменять — это наша внутренняя кухня. Но мы держим со стороны очень важно. Потом надо продолжать поиск солистов, делать не только и так называться, а работать на опережение, ведь школа тоже не сразу же выдает. Проблемы как ров стоит перед всеми труппами мира. И, конечно, интересных хореографов, режиссеров, индивидуальностей от Бога, которые приносят в театр новую сиюминутную и надидеальную актеров. Ведь в этом процессе все взаимосвязано. Не в первый раз это говорю. Мне кажется, творческая личность рождается в спороватности. А сегодня, к сожалению, многие опасаются и уходят от основного. Когда приходит сложность, тогда все и происходит.

Беседавала ВАРВАРА ВЕЖОВИЧ